НОВОЕ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕПАРАТИЗМ (ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА СТ. 280.1 И СТ. 280.2 УК РФ)

NEW ON CRIMINAL LIABILITY FOR SEPARATISM (LEGAL ASSESSMENT ART. 280.1 & ART. 280.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

УДК 343.31

DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10320

Мамедов Алиаскер Эльманович, 5 курс, специальность 40.05.01, член Студенческого научного бюро кафедры КБ-12 РТУ МИРЭА

Научный руководитель: Титовец Ирина Витальевна, старший преподаватель кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (ИКБСП) МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Россия, г. Москва

Mamedov Aliasker Elmanovich, bolivianmail@gmail.com

Scientific adviser: Titovets Irina Vitalievna

Аннотация

Работа посвящена исследованию такой тенденции последних лет, как ужесточение уголовного законодательства, касающегося охраны территориальной целостности России, несмотря на наличие для этого других уголовных статей. Автор акцентирует внимание на обстоятельства введения статей 280.1 (в 2013 г.) и 280.2 (в 2020 г.) в Уголовный кодекс РФ. Анализ правовых норм выявил их юридические дефекты, что подтверждается неоднозначной следственно-судебной практикой. После конституционной реформы-2020 была введена уголовная ответственность за «отчуждение части территории», однако моделирование возможного преступного деяния по ст. 280.2 УК РФ показало несостоятельность

нормы. Кроме того, формально-догматический подход показал казуистический характер данных статей и коллизию с нормами международного права. Предлагается изъять из УК РФ статьи 280.1 и 280.2.

Annotation

The scientific work is devoted to the study of such a trend in recent years as the tightening of criminal legislation, which concerns the protection of the territorial integrity of Russia, despite the presence of other criminal articles for this. The author focuses on the circumstances of the introduction of Articles 280.1 (in 2013) and 280.2 (in 2020) into the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of legal norms revealed their legal defects, which is confirmed by the ambiguous investigative and judicial practice. After the 2020 constitutional reform, criminal liability was introduced for the «alienation of a part of the territory», however, modeling a possible criminal act under Art. 280.2 of the Criminal Code of the Russian Federation showed the inconsistency of the norm. In addition, the formal-dogmatic approach showed the casuistic nature of these articles and a conflict with the norms of international law. There is proposed to remove Articles 280.1 and 280.2 from the Criminal Code of the R.F.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессия, территориальная целостность, юридический дефект, судебная практика, следственная практика, право на самоопределение.

Keywords: separatism, secession, territorial integrity, legal defect, judicial practice, investigative practice, the right to self-determination.

28 декабря 2013 года в Уголовный кодекс РФ была введена новая статья 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (см. Федеральный закон от 28.12.2013 № 433-ФЗ), которая вступила в силу 9 мая 2014 года – так законодатель, очевидно, решил «торжественно» приурочить новую уголовную статью ко Дню Победы – и вызвала дискуссию в научной среде вокруг новеллы, усиленной в виду конституционной реформы-2020.

В истории российского уголовного права ранее имелись нормы, так или иначе направленные на защиту территориальной целостности государства. Так, по ст. 275 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. передача части государства «другому государю или правительству» каралась в качестве государственной измены; ст. 100 Уголовного уложения 1903 г. устанавливала ответственность за нарушение в стране установленного порядка правления и отторжение части территории (сама глава Уложения, где располагалась указанная статья, была направлена на защиту «Верховной Власти» и «священного Императорского Дома»). УК РСФСР 1922 г. в ст. 58 предусматривал высшую меру наказания за насильственное отторжение части территории страны и (или) попытку свергнуть в ней советскую власть «в контрреволюционных целях». Вместе с тем, УК РСФСР 1960 г. не содержалось норм, прямо предусматривающих ответственность именно за нарушение территориальной целостности государства [9, с. 20-21]. Эту функцию, в частности, выполняла ст. 64 «Измена Родине» (в п. «а» посягательство на «территориальную неприкосновенность» являлось одной из характеристик преступного деяния) и ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда» (в части ответственности за критику советского государственного строя). До введения ст. 280.1 в УК РФ в нашей стране аналогично не было специальной нормы по борьбе с «нарушением территориальной целостности». Что же побудило законодателя к такой новелле? Попробуем проанализировать.

В пояснительной записке к законопроекту его авторы, отвечая на этот вопрос, признают, что в российском Уголовном кодексе уже есть статьи, которые так или иначе позволяют обеспечивать территориальную целостность: ст.ст. 279, 280, 282.2, 323, 353, 354 УК РФ. Но такое обилие норм законодателю показалось недостаточным в виду того, что территориальная целостность не рассматривалась ранее «в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны», она была «лишь в качестве факультативного объекта» [5]. Некоторые правоведы в попытке обнаружить целесообразность пошли ещё дальше и объяснили новеллу геополитической обстановкой. Так, Д.О. Чернявский и Р.М. Скулаков считают, что США виновны в распаде СССР, Югославии, Грузии и Украины и якобы

продолжают свою экспансионистскую внешнюю политику. Со ссылкой на неназванных «зарубежных политиков» они предупреждают, что в отношении России проводится «враждебная» и «захватническая» политика, т.к. наша страна «“необоснованно” владеет большим количеством природных ресурсов» и её нужно «разделить на секторы», а население – опять же, по мнению тех же неназванных «зарубежных политиков», – сократить до 3 млн. человек. Над территориальной целостностью России, считают они, также нависли угрозы от «ИГИЛ» и из-за вооружённого конфликта на Украине [14, с. 74-75]. Оставляя за скобками анализа реальность озвученных угроз и вызовов, далее мы попытаемся разобраться в том, насколько новая ст. 280.1 УК РФ отвечает заявленным в пояснительной записке целям.

Сразу же хочется отметить юридико-технический нюанс: новая статья уголовного закона, как с сожалением подметил Е.П. Сергун, стала очередным примером «дефиниции-названия», когда «описание преступления в диспозиции статьи полностью совпадает с заглавием последней» [11, с. 223]. Размытость формулировок, уголовно-правовая характеристика, расположение ст. 280.1 УК РФ – это всё аспекты, являющиеся предметом критики указанной нормы в научной среде (воздержимся от повторного пересказа).

Введение ст. 280.1 в отечественный Уголовный кодекс соответствует духу проводимой в стране в последние годы «антиэкстремистской политики». Отнесение этой статьи к числу «антиэкстремистских» следует из научной литературы и из самого толкования термина «экстремизм» в соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который включает в себя в т.ч. нарушение территориальной целостности РФ (ст. 1). Поэтому ст. 280.1 УК РФ ожидаемо «унаследовала» типичный комплекс правовых проблем, который несёт с собой «антиэкстремистское» законодательство.

Рассматриваемая уголовная статья по указанной выше причине является специальной по отношению к ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), что отмечал и Верховный Суд РФ

в своём отзыве на законопроект [4]. Однако нельзя было не обратить внимание на тот факт, что до декабря 2020 года санкции первых частей ст. 280 и ст. 280.1 УК РФ были полностью идентичными (максимальное наказание в виде штрафа было до 300 000 руб., а в виде лишения свободы – до 3 лет), без какого-либо изменения «вилки» наказаний в сторону ужесточения или смягчения!

В связи с этим в адрес авторов законопроекта (и пояснительной записки к нему) о введении ст. 280.1 в УК РФ – депутата П. Крашенинникова и сенатора А. Клишаса возникает вопрос: в чём был смысл выделения территориальной целостности в качестве особого «объекта уголовно-правовой охраны», если по сравнению с «общей» статьёй (280 УК РФ) размер и строгость наказания вообще никак не изменялись? Аналогичным вопросом задавался и Верховный Суд РФ, который в том же отзыве указывал, что по ч. 2 ст. 280 УК РФ (использование СМИ) предусмотрена более строгая ответственность, чем по ч. 2 ст. 280.1 УК РФ. Следовательно, последняя норма могла являться привилегированной, поскольку предусматривает менее строгую ответственность за указанные публичные призывы.

Очевидно, что в связи с такой нелогичностью новая статья объективно не могла считаться специальной уголовно-правовой охраной территориальной целостности нашей страны. Поэтому для объяснения такого феномена мы солидаризируемся с мнением С.В. Борисова и А.А. Чугунова, указывающих, что введение в УК РФ статьи 280.1 являлось юридико-технической ошибкой и/или «результатом следования политическим веяниям без глубокого изучения уже имеющихся уголовно-правовых средств», позволяющих обеспечивать охрану целостности РФ [13, с. 103].

Лишь через 7 лет законодателем были внесены изменения, которые, в частности, расширили диапазон наказаний по ч. 1 ст. 280.1 УК РФ: теперь предусмотрен штраф в размере от 200 000 до 400 000 руб., когда как первоначальные пределы были от 100 000 до 300 000 руб. (см. Федеральный закон от 08.12.2020 № 425-ФЗ).

Сомневаемся, что разница в 100 000 руб. существенно влияет на комплекс юридических проблем, связанный с рассматриваемой нормой. Но период, когда ст. 280 и 280.1 УК РФ представляли собой повторяющийся уголовно-правовой запрет, повлёк за собой серьёзную проблему. Так, ещё в 2015 году Е.П. Сергун со ссылкой на дело активистки «Рот-Фронта» Д.В. Полюдовой тревожно отмечал: «Следственная практика уже пошла по пути квалификации указанных составов преступлений по совокупности при совершении подозреваемым однородных, но искусственно дифференцируемых разновидностей “экстремистских” публичных призывов, имеющих в целом структуру усложненного единичного деяния (!), что свидетельствует о нераспространении правила ч. 3 ст. 17 УК РФ на рассматриваемые правовые отношения» [11, с. 224].

Тем не менее, А.Г. Хлебушкин приветствовал рассматриваемую новеллу и считал пример «криминализации сепаратизма» логичным продолжением «формирования правового обеспечения состояния защищённости конституционного строя РФ, включающего её территориальную целостность, от внутренних и внешних угроз» [13, с. 102]. На основании вышеизложенных доводов, а также последующей критики, мы никак не можем согласиться с такой положительной характеристикой введения в УК РФ статьи 280.1. Новелла явила собой не только комплекс юридико-технических ошибок и правовых проблем, она ожидаемо привела, как видим, к весьма опасной следственной и судебной практике по данной статье.

Так, особого внимания заслуживает дело № 1-299/2018, ставшее предметом разбирательства в Ленинском районном суде г. Астрахани. Так, гражданин Б. в соцсети «Одноклассники» разместил текст, в котором эмоционально выражал недовольство социально-экономическим положением в Астрахани (подчеркнём, что в своём обращении он использовал именно слова «Астрахань» и «астраханцы») и указал: «Кто согласен, на референдум! Астраханцы классуйте и давайте действовать, пока не сдохли здесь совсем!». Суд на основании экспертного заключения из УФСБ России по региону нашёл в данных словах «публичные призывы к выходу Астраханской области из состава РФ, то есть нарушению

территориальной целостности РФ», через создание «Астраханской Народной Республики», за что преступник был осужден по ч. 2 ст. 280.1 УК РФ [8]. Недоумение вызывают два обстоятельства. Во-первых, в приведённых словах гражданина Б. нет упоминания Астраханской области как субъекта РФ, речь шла именно о городе Астрахань, который является муниципалитетом, а не субъектом Федерации. То есть, можно полагать, что формально речь не шла об изменении субъектного состава России (ч. 1 ст. 65 Конституции РФ). Во-вторых, гражданин Б. призывал не к вооружённому мятежу, захвату власти и пр., а к проведению соответствующего референдума. Призывы к референдуму как высшей форме волеизъявления народа не могут являться уголовно наказуемыми деяниями. Тем более что исход гипотетического референдума заранее неизвестен, поэтому призыв к нему не может априори означать действие, направленное на нарушение территориальной целостности.

Интересным также представляется административное дело о признании БОО «Башкорт» экстремистской организацией [10] (в настоящее время она запрещена, а в отношении ряда активистов заведены уголовные дела, в т.ч. по ст. 280.1 УК РФ). Так, отдельные положения заключения психолого-лингвистического исследования, осуществлённого сотрудниками БашГУ и положенные судом в основу своего решения, вызывают недоумение. Эксперты, изучая переводы с башкирского языка речей активиста Ф.А. на курултаях различных районов республики, пришли к выводу о том, что он, в частности, обосновывал необходимость отделения Башкортостана от РФ. Какие же цитаты послужили основанием к такому выводу?

«Мы видим от государства только притеснения башкирского народа. Это неправильно», – эти слова о бедственном, по мнению активиста, положении башкир являются лишь выражением свободы слова (право высказывать критические суждения, в т.ч. в отношении государства) и субъективного мнения. Где здесь содержится призыв к сецессии? Анализируя фразу: «Наш “Башкорт” не раз подчёркивал, что Башкортостан без самостоятельности не сможет защитить башкирский народ, башкирский язык», – эксперты почему-то растолковали слово

«самостоятельность» как сепаратистские помыслы. Между тем, согласно ст. 73 Конституции РФ, субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти по предметам своего исключительного ведения. Термин «самостоятельность», следовательно, можно истолковать как желание расширения автономии, исключительных компетенций субъекта, перераспределения предметов ведения между РФ и её субъектами. Но эксперты, на наш взгляд, странным образом приравнивают понятия «самостоятельность» и «государственный суверенитет», по сути, давая оригинальным словам вольную трактовку.

Также в указанном решении суда фраза «Что у нас сейчас – Республика Башкортостан несамостоятельна, подчиняется федеральному центру. Конституция нашей республики неправильная, никак не помогает башкирам» растолковывается как «негативная оценка актуального положения Республики Башкортостан как части РФ, её действующего законодательства (Конституции), что является обоснованием необходимости обособления Республики Башкортостан и выхода её из состава РФ». Однако Конституция Башкирии состоит из 126-ти статей, 11-ти глав, 2 разделов. Почему из приведённой цитаты делается вывод о том, что гр. Ф.А. якобы критикует только ст. 1 Конституции Башкирии, определяющую её, как составную часть России? Аналогично в его фразе «Конституция нашей республики (Башкортостан – прим. авт.) неправильная, никак не помогает башкирам», на наш взгляд, нет экстремистских призывов к сепаратизму.

Внимание на данном административном деле было заострено ввиду того, что с появлением новой ст. 20.3.2 КоАП РФ проблема преследования за сепаратизм (или за якобы сепаратизм) заиграет новыми красками. Более того, подобные неоднозначные экспертные заключения могут ложиться в основу и уголовных дел по ст. 280.1 УК РФ. Так, в 2017 г. гражданин М. был осужден по ч. 2 ст. 280.1 УК РФ за высказывания о создании «Котельниковского автономного округа или Котельниковской республики – со свои банком, валютой и главное – нормальной именно народной властью» и отказа от уплаты федеральных налогов. Эти слова суд (а ранее, соответственно, и следствие) расценил, как призывы к нарушению территориальной целостности РФ [6]. Однако создание в рамках РФ автономного

округа или республики – это законодательно допустимые в стране формы самоопределения народа, а фантазии о «своей валюте» и «народной власти» не есть прямой призыв к сепаратизму и угроза целостности территории России.

Дополнительное недоумение ситуация вызывает в контексте позиции Судебной коллегии по административным делам ВС РФ, которая в 2012 г. разъяснила, что не может быть признана экстремистской публикация, где шла речь о создании мирным (ненасильственным) путём «Донской Казачьей Республики» [3].

Ситуацию усугубляет тот факт, что следственные органы, как пишет О.С. Кучин, испытывают проблемы с формулированием правильных вопросов эксперту и с невозможностью «выявить экстремистские материалы, опубликованные на иностранным языке» [2, с. 12]. К этой проблеме также можно добавить подобные публикации на языках народов России. Лингвистическая экспертиза будет проводиться по тексту перевода на русский язык, а значит, по так или иначе искажённой версии оригинала (такая проблема, например, наблюдалась в деле с организацией «Башкорт»). Но вместе с тем О.С. Кучин предлагает идею: «Ориентиром для выявления лиц, разделяющих экстремистские идеи, могут служить т.н. “лайки”» [2, с. 14]. На фоне огромного комплекса теоретических и практических проблем рассматриваемой уголовно-правовой нормы такое предложение видится нам слишком «драконовской» мерой. Особенно, если учесть, что тексты и изображения можно редактировать после публикации, а «лайк» пользователя после этого не исчезает.

Итак, ст. 280.1 УК РФ, как следует из следственно-судебной практики, имеет явную и серьёзную проблему. Несмотря на то что в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» говорится только о насильственном изменении основ конституционного строя и территориальной целостности, по ст. 280.1 УК РФ активно осуществляется преследование и за ненасильственные призывы, действия к сепаратизму или сецессии (либо ошибочно так истолкованные), как то: марш, пикет, референдум, желание большей федерализации или изменения административных границ внутри РФ и прочие

формы мирного выражения мнения. Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2011 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности», к сожалению, лишь дополнительно легитимировало такую практику по ст. 280.1 УК РФ. Мы согласны с позицией Е.П. Сергуна в том, что из-за абстрактности дефиниций и сложившейся практики под угрозой сам конституционный принцип свободы слова [11, с. 224].

Однако Д.О. Чернявский и Р.М. Скулаков убеждены, что есть «деяния, исключающие насилие, которые будут препятствовать соблюдению основ конституционного строя или целостности» нашей страны. Они предлагают придать экстремистскую направленность таким ненасильственным действиям, как «бойкот общественных или государственных событий; бойкот выборов; вывешивание флага; отказ в помощи силам правопорядка; “загрузку” административной или судебной системы; побуждение к двойному суверенитету и созданию параллельного правительства» [14, с. 77]. Подобные идеи отдают духом тоталитаризма и пугают грубым нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина. Исключая «вывешивание флага», который может быть нацистской или террористической символикой, и «параллельное правительство», которое претендует на легитимность вместо официальных государственных органов, по остальным перечисленным основаниям человек никак не может быть признан экстремистом! Даже «двойной суверенитет» – это теоретическая категория из научной литературы по федерализму, а не экстремизм.

Важно отметить следующее. Пока писалась настоящая работа, в декабре 2020 г. законодатель ввёл для ст. 280.1 УК РФ административную преюдицию (см. Федеральный закон от 08.12.2020 № 425-ФЗ) и соответствующую статью в КоАП РФ (см. Федеральный закон от 08.12.2020 № 420-ФЗ), которая упоминалась выше. Мы приветствуем значительное смягчение уголовного преследования по ст. 280.1 УК РФ. Однако, основываясь на озвученных проблемах, считаем необходимым полностью декриминализовать указанную статью (норму) в связи с серьёзными дефектами её формулировок, созданием неадекватной конкуренции большому количеству статей УК РФ, угрозой конституционным правам и свободам,

возможностью осуществлять по ней политическое преследование за инакомыслие – всё это непременно отражается на следственно-судебной практике. В этом отношении солидарны с мнением А. Г. Кулева: «Введение в УК ст. 280.1 является непродуманным и поспешным шагом законодателя. Ничего кроме засорения и так уже далеко нестерильного текста УК и проблем правоприменительным органам данное нововведение не дало» [12]. Уголовно-правовая охрана территориальной целостности вполне может обеспечиваться уже давно имеющимися в Кодексе статьями 278 – 280 и иными, перечисленными в начале работы. (По проблеме конкуренции данных норм (статей), связанных с территориальной целостностью, и отграничения их от ст. 280.1 УК РФ есть публикация [7]).

Более того, ст. 20.3.2 КоАП РФ, унаследовавшая юридические дефекты из Уголовного кодекса, нуждается в серьёзном переосмыслении. Нужны такие текстуальные изменения, которые исключали бы административное преследование за высказывание личного мнения о будущем федеративного устройства, за желание большей автономии, за изменение внутренних административных границ в России и за прочие формы мирных, неопасных для общества и государства слов и действий, тем более, если они вообще не относятся к вопросу о территориальном устройстве (субъектном составе) страны.

Но, к сожалению, ожидать таких корректировок от законодателя пока не приходится. Со ссылкой на ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ, появившейся после реформы-2020 и запрещающей «отчуждать часть территории» страны и призывать к такому, законодатель в том же декабре 2020 года ввёл в УК РФ соответствующую новую статью. Таким образом, не успела утихнуть юридическая критика ст. 280.1 УК РФ, как появилась в Кодексе ст. 280.2 «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (наказание – лишение свободы на срок от 6 до 10 лет).

Адвокат М. Цзен, комментируя новую ст. 280.2 УК РФ, считает: «Я так и не смог придумать хоть сколько-нибудь реалистичную ситуацию, которая бы подпадала под состав предлагаемой к введению статьи, но не охватывалась бы уже существующими статьями УК (напр., ст.ст. 278, 279 и 323 УК РФ. – прим. авт.). На

мой взгляд, для потенциальных нарушителей территориальной целостности РФ никакого “зазора” между статьями УК в настоящий момент нет и введение новой статьи просто-напросто излишне» [1]. Мы согласны с такой оценкой.

Пытаясь представить, за какое деяние, повлекшее (или угрожающее повлечь) отчуждение территории России, гипотетически может быть осужден человек именно по ст. 280.2 УК РФ, на ум приходит только принятие регионом декларации о суверенитете или референдум о независимости. Однако даже если и представить такое, то кто, в теории, будет судим за него? Гражданин, предложивший провести такой референдум? Как показала практика, за такие помыслы судят по ст. 280.1 УК РФ, к тому же, обычный гражданин не обладает никакими ресурсами, чтобы организовать референдум и осуществить отсоединение территории. Глава субъекта РФ, который издаст или одобрит соответствующий нормативно-правовой акт? Наверное, нет, ибо назначение референдума, как мы отмечали выше, не может автоматически означать отчуждения территории. А если соответствующий документ примет парламент, тогда в отношении кого может быть осуществлено уголовное преследование, учитывая, что это коллективный орган и у депутатов есть неприкосновенность? Может, в отношении членов комиссии референдума, которые непосредственно «на местах» будут организовывать плебисцит?

Эти многочисленные вопросы проистекают из юридически дефектных формулировок новой уголовной статьи (нормы). Однако даже если на них будет дан качественный ответ, всё равно останется открытым вопрос, на каком основании за одну из форм реализации международно-правового принципа самоопределения народов (наций), закреплённом в Уставе ООН, введена уголовная ответственность? В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята 24.10.1970) сказано: «Все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус». Также международный документ гласит: «Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение,

свободу и независимость»[1]. Так, на вполне легальных основах функционируют сепаратистские партии Квебека (Канада), Шотландии (Великобритания), «Лига Севера» (Италия) и т.д.

Таким образом, появление в отечественном Уголовном кодексе статей 280.1 и 280.2 вызывает правовые проблемы не только в рамках национального законодательства, но также и коллизию с международным публичным правом.

Однако для всестороннего рассмотрения вопроса отметим, что в 2003 г. Россия ратифицировала Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (принята 15.06.2001). Здесь стоит специально подчеркнуть, что Конвенция призывала преследовать в уголовном порядке именно насильственный сепаратизм. А в настоящей работе как раз-таки и идёт речь о практике уголовного преследования мирных высказываний и действий, нередко даже и с сепаратизмом-то вовсе не связанных.

Подводя общую черту, необходимо сказать, что ст.ст. 280.1 и 280.2 УК РФ в связи с недостаточной продуманностью с правовой точки зрения содержат немало юридических дефектов; обуславливают крайне сомнительные прецеденты уголовного характера; являют собой конкурирующие или дублирующие нормы для уже существующих в УК; стирают грань между сецессией и сепаратизмом; создают предпосылки для политических репрессий и ограничения свободы слова и демократического плюрализма мнений, а также имеют признаки коллизионности в отношении не только конституционного, но и международного права. Основываясь на вышеизложенном, для избавления от ошибок предлагается принять во внимание озвученные нами предложения по изъятию из УК РФ указанных статей (статьи) и/или более продуманного их уточнения во избежание вольных трактовок либо усовершенствование уже имеющегося уголовно-правового инструментария для защиты территориальной целостности от действительно преступных посягательств.

[1] Более подробно тезисы о реализации принципа самоопределения народов изложены в статье Мамедова А.Э. «Право сецессии: можно или нельзя? На примере России», которая будет опубликована к марту 2021 г. по итогам конференции «Актуальные вопросы публичного права» (УрГУЮ, 2020 г.).

Литература

1. «Адвокатская газета»: Специальная норма об ответственности за нарушение территориальной целостности появится в УК РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/spetsialnaya-norma-ob-otvetstvennosti-za-narushenie-territorialnoy-tselostnosti-poyavitsya-v-uk-rf/ (дата обращения: 13.01.2021).
2. Кучин О.С. К вопросу о криминалистически значимых признаках преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Известия ТулГУ. Эконом. и юрид. науки. - 2018. - №1-2. – С. 10-16.
3. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 3 октября 2012 года по делу № 41-АПГ12-11. // Сайт Верховного Суда РФ.
4. Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 27.11.2013 № 2-ВС-5196/13 «На проект Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях установления ответственности за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации”».
5. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 403815-6 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/403815-6 (дата обращения: 15.12.2020).
6. Приговор Котельниковского районного суда Волгоградской области от 23 августа 2017 г. по делу № 1-64/2017. // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» («СудАкт»).
7. Власенко В.В., Жеребченко А.В. Вопросы отграничения публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280. 1 УК РФ),

от смежных преступлений // Вестник экономической безопасности. - 2019. - №3. – С. 142-146.

8. Приговор Ленинского районного суда города Астрахани от 5 июля 2018 г. по делу № 1-299/2018. // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» («СудАкт»).
9. Редкоус В.М., Копылов М.М. Уголовная ответственность за посягательства на территориальную целостность. История и современное состояние // Закон и право. – 2019. - № 9. – С. 19-23.
10. Решение Верховного Суда Республики Башкортостан № 3ГА-374/2020~М-1930/2019 от 22 мая 2020 г. по делу № 3ГА-374/2020. // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» («СудАкт»).
11. Сергун Е.П. Вопросы уголовно-правовой квалификации публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Вестник СГЮА. – 2015. – № 3 (104). – С. 220-226.
12. Цит. по: Воронин В. Н. Преступления экстремистской направленности: пути повышения качества уголовно-правовой охраны // Вестник СПбГУ. – Сер. 14. Право. – 2016. - № 4. – С. 16-28.
13. Цит. по: Воронин В.Н. Уголовно-правовой запрет на сепаратизм: социальная обусловленность и вопросы правоприменительной практики // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2019. - №1. – С. 102-109.
14. Чернявский Д.О., Скулаков Р.М. Публичные призывы к нарушению территориальной целостности: проблемы социально-политической обусловленности и уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 73-79.

Literature

1. «Lawyer newspaper»: A special rule on liability for violation of territorial integrity will appear in the Criminal Code of the Russian Federation.

[Electronic resource]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/spetsialnaya-norma-ob-otvetstvennosti-za-narushenie-territorialnoy-tselostnosti-poyavitsya-v-uk-rf/ (date of access: 13.01.2021).

2. Kuchin O.S. On the issue of criminally significant signs of crimes associated with public calls to take actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation // Izvestia TulGU. Economy and legal science. - 2018. - No. 1-2. - P. 10-16.
3. Determination of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 3, 2012 in case No. 41-АПГ12-11. // Website of the Supreme Court of the Russian Federation.
4. Official recall of the Supreme Court of the Russian Federation of November 27, 2013 No. 2-BC-5196/13 «On the draft Federal Law “On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to establish responsibility for public calls for actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation. Federation”».
5. Explanatory note to the draft Federal Law No. 403815-6 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". [Electronic resource]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/403815-6 (date accessed: 15.12.2020).
6. Verdict of the Kotelnikovsky District Court of the Volgograd Region dated August 23, 2017 in case No. 1-64 / 2017. // Internet resource «Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation» («Sudakt»).
7. Vlasenko V.V., Zherebchenko A.V. Issues of delimiting public appeals to take actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation (Art. 280.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) from related crimes // Bulletin of Economic Security. - 2019. - No. 3. - P. 142-146.
8. The verdict of the Leninsky District Court of the city of Astrakhan dated July 5, 2018 in case No. 1-299 / 2018. // Internet resource «Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation» («Sudakt»).

9. Redkous V.M., Kopylov M.M. Criminal liability for encroachments on territorial integrity. History and current state // Law and law. - 2019. - No. 9. - P. 19-23.
10. Decision of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan No. 3GA-374/2020 ~ M-1930/2019 dated May 22, 2020 in case No. 3ГА-374/2020. // Internet resource «Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation» («Sudakt»).
11. Sergun E.P. Issues of criminal law qualification of public calls for the implementation of actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation // Bulletin of the SSLA. - 2015. - No. 3 (104). - P. 220-226.
12. Quote after: Voronin V. N. Extremist crimes: ways to improve the quality of criminal law protection // Bulletin of St. Petersburg State University. - Ser. 14. Right. - 2016. - No. 4. - P. 16-28.
13. Quote from: Voronin V.N. Criminal law ban on separatism: social conditioning and issues of law enforcement practice // Legal Bulletin of Dagestan State University. - 2019. - No. 1. - P. 102-109.
14. Chernyavsky D.O., Skulakov R.M. Public calls for violation of territorial integrity: problems of socio-political conditionality and criminal law prohibition // Legal Science and Law Enforcement Practice. - 2015. - No. 1 (31). - P. 73-79.